

СОФИЯ ЭС

**ОСТОРОЖНО!
ДВЕРИ
ЗАК
РЫ
ВА
ЮТ
СЯ!**

*"Сильнее всего я опасюсь, что
нарастающий бред вдруг прервётся"*

12+

София Эс Осторожно! Двери закрываются!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66433018

SelfPub; 2021

Аннотация

У каждого из нас свои причины выбрать метро себе в спутники. Я в метро спускаюсь за шансом. За шансом оглохнуть, забыться, задышать. Но этим днем повсеместный гул только мешает, ведь сквозь толщи земли и тысячи дней одиночества меня нашла та единственная, что способна пробудить мое сердце в летящем во мраке вагоне.

София Эс

Осторожно! Двери закрываются!

– Станция "Парк Культуры".

– Извините, Вы выходите? – спрашивает женский голос, и я вынырываю из пустой безопасной тишины.

Под гул спешащего состава метро у меня всегда закладывает уши. Сам гул я ненавижу, а это состояние вынужденной отгороженности от мира – люблю.

За ним и спускаюсь в глубины московского метрополитена, преодолевая панический ужас от погружения в недра земли.

Все погружения для меня про боль. А её я наелся выше крыши.

– Осторожно, двери закрываются! Следующая станция "Кропоткинская".

– Так Вы выходите? – тот же голос снова нарушает мою отчуждённость.

– Не знаю, – честно отвечаю я, продолжая стоять на месте.

Женщина за моей спиной ворчит, суетится, толкается вперёд и, всё-таки, успевает выйти из вагона.

Пока поезд набирает скорость, а моя голова вновь наполняется лихорадочными мыслями, я осматриваюсь.

Вижу мелкую девчонку. Она подскакивает на месте, точно антилопа спрингбок, пружиня на прямых ногах. Красивая мордаха, плюшевые лисьи уши поверх растрёпанных рыжих волос, и явный ветер среди извилин.

Прилетело же кому-то такого счастья!

За девчонкой с лисьими ушами сидит мужик в возрасте. Весь на стиле: аккуратная борода, стоячие усы, костюм в полосу, шелковый платок в нагрудном кармане пиджака.

Фу ты, ну ты, прямо герцог Виндзорский!

А дома у тебя трое детей и жена – президент благотворительного фонда?

Хотя, не, у герцога детей не было. Как и бороды с усами. Значит, придется тебя, дед, понизить в звании.

Да, я не люблю людей. С ними я тоже вынужден соприкасаться, минуя накатывающее удушье, грохочущее в ушах сердце и противно потные ладошки.

Я не люблю людей, как не люблю и себя.

Себя я ненавижу, и только спасительный гул скоростного поезда метро помогает мне с этим справляться.

Простите люди мне моё зубаскальство.

Вы же всё прощаете.

Упрощаете.

Лишаете глубины и сложности, обесцвечиваете значимость.

А мне нужно помнить. Никогда не забывать.

– Да! – я хватаюсь за телефон, что семафорит мне третьим

вызовом с одного и того же неизвестного номера. Спамщики меня обычно не тревожат, балаболы с пустыми идеями не одолевают. Как правило, все звонки идут по делу.

– Привет.

Тихий голос одним рывком проносится сквозь тысячи дней ожидания и бескомпромиссно дёргает в моём сердце стоп-кран.

Резкий визг тормозов ударяет по мозгам, всё расставленное по своим местам валится сумбурной кашей вниз, погребая сознание под собой.

Я лежу распластанный, разбитый, удивлённый и пялюсь на стикер на окне: белый человечек, наполовину вошедший в дверь. Не, для кого-то эта картинка, конечно, про не прислоняться, для меня же – про не влезай – убьёт!

Хотя я и так уже мёртв. Был. Рассчитывал на это.

Поразительно... Ещё полвдоха назад жизнь, вроде бы, и шла, но все больше мимо. А прямо сейчас я – в эпицентре событий.

Не дышу, глотаю болючие до слёз воспоминания.

"Привет"...

Я не слышал этого голоса двенадцать лет, и меня по-прежнему ломает от его звучания.

Помню каждый шорох, каждую тональность.

Даже чувствую, как он пахнет.

Спелой ежевикой и шоколадом.

– Привет. Вы сдаёте квартиру?

Поезд метрополитена на ура обрабатывает свою репутацию – несётся вперёд, глотая остановки, я же – в ауте.

Полное оглушение.

Тахикардия, тремор, резко выскочившее из берегов давление, дезориентация в пространстве. Порог восприятия внешних раздражителей повышен, словесный контакт временно утерян.

Может, у меня бред с галлюцинациями?

Смотрю на телефон: принятый входящий, неизвестный номер, двадцать первая секунда разговора... Двадцать вторая... Двадцать третья...

Тот же самый день.

Время движется.

Я в текущем моменте.

Что. За жесьь. Происходит?

– Алё? – зло бросаю в трубку, уже сильно сомневаясь в своей адекватности. Видимо, депрессия меня-таки добила: левое полушарие мозга отказало, а правое – выпустило из закровов моей памяти истосковавшихся чертей и демонов.

Память – она такая, может согреть, а может и огреть, и хорошо, если отделаешься легкой формой черепно-мозговой травмы.

– Я Вас слышу, – отвечает спокойным тоном все тот же голос, вышибая из меня по новой дух, душу и всю дичь, что копилась годами разлуки. – Извините, если не вовремя. Вы сдаёте квартиру?

Что?..

Что?!.

– Ч-что? – вопрос выдирается из горла с мясом.

– Вы сдаёте квартиру на Третьем транспортном кольце?
Твою ж Матрёну за батоны!

Да, я сдаю квартиру на Третьем транспортном. Но почему она, когда мы впервые говорим за столь долгий период молчания, спрашивает меня об этом?!

Терпеть, дышать, слушать и одуплять происходящее!

– Да... – сип раздирает связки.

– Что? – уточняет голос в телефоне, перебивая стучащий в виски пульс. – Извините, Вас плохо слышно. Сильный шум. Я перезвоню позже...

– Нет! – ору на сверхзвуке, впиваясь до скрипа в тупой пластик важного, как никогда, сейчас телефона.

Смешно, но сильнее всего я опасаясь, что нарастающий бред вдруг прервётся. Меня шлёпнут по щекам, заставив очнуться, и в очередной раз спросят: "Вы выходите?"

А фоном, как приговор, будет звучать беспристрастное "Осторожно, двери закрываются!"

– Нет! – повторяю я снова, отвечая единым мигом и всем своим тревожностям, и девчонке, что невидимым эфиром просочилась сквозь толщи земли и пробудила мое сердце в летящем во мраке вагоне.

Лёгкие горят, душа горит, а я вынужден сдерживать адский ужас от невозможности контролировать диалог. Напу-

гать собеседницу своим надрывом нельзя, поэтому приходится мотать истерику в узлы и глушить ее крики на корню.

– Повеси на связи, я выберусь в место потише.

И, активно работая руками, ногами, головой, я сдаю от дверей назад, протискиваясь сквозь недовольный народ поглубже в вагон.

Ничего, добрые люди, потерпите меня, пожалуйста. Мне сейчас очень надо. А простить или обматерить вы сможете меня и потом.

Только бы не оборвался звонок!

Только бы это была действительно она...

Сколько там уже прошло? Минута? Две?

Добрые люди пихаются, стопорят моё движение, а мне в сознание пискливыми комарами долбятя памятные картины девичьих улыбок, моих содроганий от общих касаний и замершее в перехваченном дыхании юное сердце.

Первая любовь, чтоб её...

То ли самое прекрасное, что случилось со мной в этой нелепой жизни, то ли худшее наказание за сам факт моего дурацкого существования.

Всё, что точно знаю об этом чувстве, – оно до сих пор живо. Как бы ни крушил его, не выжигал, не травил, ничего ему не делается. Лишь полноценнее и значимее становится.

В этом неповторимом состоянии странным образом замуровался добрый парень Данислав. Забавный, в общем-то, пацан, в большинстве случаев нелепый, жутко неуверенный в

себе и в жизни, в следствии чего плохо разделяющий первое и второе.

Двенадцать лет назад я был Даней. Стеснительный, но смешливый. Замкнутый, но сообразительный и в чем-то даже гениальный.

Хотя последнее – это мнение окружающих. Я же считал, считаю и, скорее всего, продолжу считать, что мне тупо повезло.

Сорвал своим рождением джекпот и слишком легко все получал в последующем. Учился, хватая на лету, без сложностей ловил абстрактные понятия математического мира, выстраивал сражения с реальностью, как шахматные партии. Глядел на людей вокруг тем же зрением, что и на фигуры посреди клетчатой доски.

Меня хвалили, отмечали наградами, выдвигали в первые ряды, а мне все казалось, что это обман.

Я недостойн такого внимания, не заслужил столь тёплых и громких оваций, и уже через минуту, буквально вот-вот, всех непременно накроет волна осознания моей никчемности, поддельности и бестолковости.

Так я выдержал школу и выдвинулся в университет. Чуть попривыкнув к всеобщему любованию, с золотой медалью наперевес я ворвался в студенческое братство с блеском победителя в глазах и мыслью, что все великое со мной уже приключилось.

Первые два учебных дня мне это с точностью до десятого

знака после запятой и подтверждали, а дальше мое напичканное чужим восхвалением эго столкнулось с непреодолимым препятствием.

Не знаю, в силу чего эта девчонка пропустила начальные лекции, но она на них точно не присутствовала, а вот когда вошла в аудиторию, то я заметил её даже среди сотни взбодраженных первокурсников.

Довольно высокая, с гипнотическими прозрачно-серыми глазами и пышной гривой волос цвета спелой ежевики.

Чертова blackberry преследовала меня с тех пор в самых разных вариантах, начиная от телефона до одеколona, чая, мыла, шампуня, вина, сиропов, марки зимнего костюма, английской керамической плитки в ванной и даже названия георгинов, что высадила моя мать как-то летом. И если сначала я зубами держался за любое упоминание о ягоде, оставляя для себя хотя бы такое напоминание о ежевичной девочке, потом жёстко прессовал каждое её проявление в своей жизни, а последние три года просто смирился и продолжал бесильно наблюдать присутствие этого оттенка в себе.

Когда я не выдержал давления чувства вины и решился перерезать запястья, то первое, чему удивился, это неистраченному в страданиях умению различать боль, второму – моя кровь не цвета ежевики, а уже думал, что весь пропитался ей.

– Ты здесь? – я, наконец, спрятал себя в груди тел, пусть эти самые тела и не были довольны моим вызывающим по-

ведением.

– Здесь, – слышу столь знакомый голос, и меня вновь перетряхивает: она меня дождалась.

– Так что там с квартирой? – мой вопрос ни о чём. Мне плевать, на какую тему полоскать язык, главное – чтобы совместно с ней.

– А что с квартирой? – девчонка насторожена, немного растеряна. – С ней что-то не так?

– Два дня назад, когда я её видел всё было так.

Ох ёж, отчего ж я не курю?!

Растущее сосущее чувство в груди нужно срочно чем-то перекрыть.

– Ты ищешь квартиру? – уточняю у собеседницы, а сам растираю ноющую грудину.

– Да, пока ориентируюсь на полугодовой договор. Я видела Ваше объявление в интернете. Оно ещё актуально? Квартира свободна?

– Когда ты хочешь её посмотреть?

Квартира ни черта не свободна, но это не та проблема, что остановит меня. Хочет мою прошлую жилплощадь – освобожу.

– О, так она свободна! – и в голосе облегчение. – А сегодня Вам удобно будет мне её показать?

Сегодня?

Сегодня в моей квартире живёт приятель.

А впрочем... Найду ему вариант на стороне, оплачу арен-

ду первого месяца и помогу с переездом. В крайнем случае перемещу парня в отель – в накладе он не останется.

– Я как раз сегодня прилетаю в Москву и смогу быть к обеду... – продолжает тем временем ежевичная девочка.

Значит, она собирается переехать в столицу.

– ...Если нас обоих все устроит, то я хочу сразу заселиться. Это возможно?

Как?

Она собирается остаться в моей квартире, в моём городе, в моей жизни?

Эта цепочка вопросов выпивает меня досуха, и, уже не чувствуя конечностей, я втыкаюсь тяжёлой головой в рядом стоящее плечо. Плечо вздрагивает, дёргается, колыхается.

– Молодой человек!..

– Не поняла... – вновь раздаётся любимый голос в трубке. – Так я смогу въехать день в день?

Одинаково иссушающий и осчастливливающий вопрос.

Я снова стучусь лбом в поддерживающее плечо рядом, и никакие шиканья, "молодые человеки" и подрыгивания меня не смущают.

– Пьяный, что ли, – опасливо бормочет моя недобровольная опора, а я возвращаю себе вертикальное положение и продолжаю жизненно важный разговор.

– Эээаа... да... Да, никаких сложностей. – Вообще никаких, кроме угрозы инсульта или инфаркта прямо сейчас!

– У Вас есть какие-то ограничения по заселению?

– Какие например?

Это ещё один мой вопрос "ни о чём". Потому что для неё я хочу только all inclusive. Без вариантов, условий и прочих вынужденностей.

Но девчонке я этого, конечно, не выдаю. Она, видимо, вообще пока не сообразила, с кем разговаривает. Если бы знала, диалог был бы свёрнут мгновенно.

– Животные, дети, – вещает мне трубка, – наличие вредных привычек типа курения или шумных вечеринок?

– Ты собираешь шумные вечеринки? – Когда-то она точно любила красочно задуряться, разгадывать квесты и участвовать в розыгрышах. Нам обоим это нравилось.

– Нет. Однако, уточнить уровень допустимого мне важно.

Значит, без ролевых игр... А я уже понадеялся воскресить прежние увлечения.

И этого девчонке я тоже не говорю, остаюсь в рамках приличий и ожиданий:

– Лучше без животных и мозгодробительных танцев на столах – соседи будут против. Курить в квартире нельзя, но есть лоджия: фаер-шоу не устроишь, а вот для периодического травления лёгких вполне подойдёт. На этом всё.

Интересно, она продолжает ситуационно покуривать или выкорчевала эту потребность так же, как и меня в своё время?

– А электрическая техника в доме, розетки, лампочки – всё в рабочем состоянии?

– Должны быть. Если что-то не так, решим эти вопросы.

Господи, о чем мы говорим? Неужели, это всё, на что мы способны после стольких лет ожидания? Лампочки, розетки, вредные привычки!..

Ожидания и неутоленного желания за эти годы накопились столько, что я не выдерживаю. Срываюсь. Забиваю на всю конспирацию и выдаю ей прямо в лоб:

– А ты сама как?..

– Что?!

Лоб оказался не самым сообразительным или просто отказывающим мне в сотрудничестве.

Чёрт!

– Кхм... Ты сама как собираешься добираться? – быстро исправляюсь я.

– Адрес Вы указали, доберусь на метро. Или есть какие-то особенности проезда?

– Н-нет... все дороги открыты. – Идиот, какие дороги?! Что ты мямлишь, как тряпка? – Код от подъезда отправлю сообщением, – это выходит уже собраннее и строже.

– А что по оплате?

– А что по ней?

– Ну, Вы предпочитаете наличными или можно перевести деньги на банковскую карту?

– Наличными, – выталкиваю из себя и только тогда осознаю, как я, оказывается, боюсь признаться ей, с кем же на самом деле она ведёт беседу.

Чего уж проще: "Стась, это я, Даня".

Ага, Даня и кома.

Ведь услышать сейчас в её голосе презрение будет для меня приговором. Всё так же помнит. Не простила. Не желает видеть.

– Размер депозита и предоплаты? – уточняет Стась тем временем.

А я борюсь с собой. Пыхчу, мычу и рыкаю.

Слышь, Дань, ты – мужик или тряпка? Вроде, тряпкой уже был, ни покоя, ни счастья не обрёл, чего по новой прёшь без яиц на те же ворота? Или мало ты бился? Нужно ещё раз перерезаться, чтобы догнать мысль, что живёт в тебе с того мига, как ты потерял эту девчонку?

Тогда ведь струсил.

Струсил!

Сам отпустил!

Сам посчитал себя недостойным!

Сам наказал и себя, и её, и всех вокруг!

Кипел злостью, аккумулировал её внутри, чтобы было, чем стрелять во влюбленных дур, которым ты пришелся по душе, только твоя душа не приняла их. Занято место было.

И до сих пор занято.

Ты либо люби себя уже повсеместно, либо отпусти до смерти. Перестань попусту тратить драгоценное дыхание.

А может, проще в третий раз решиться на обесточивание вен, чем отпустить вину и хотя бы поползти в сторону сча-

стья.

Тогда я тоже двигался к счастью, и разрушил его, пытаюсь спасти.

Спасатель из меня...

Да чтоб тебя, Дань!..

– Месячная аренда и только, – произношу я, когда мне, наконец, удастся хоть немного уговорить подрывную деятельность то ли совести, то ли голоса разума, то ли отчаянных криков души. Знать бы, за кого играют эти личности, было бы проще принимать решения. – Коммунальные – согласно счётчикам. Это твой телефон?

– Да. Так что по сегодняшней встрече?

Я отвлекаюсь на суету людей вокруг, звук закрывающихся дверей и объявление следующей остановки – "Преображенская площадь".

Звучит здорово. На ней я и сойду.

Как по мне, это прекрасное место, чтобы перестать топить себя в вине, стыде, горевании и начать, наконец, выбираться из того болота, куда я себя загнал.

– Сегодня ты и посмотришь квартиру, и заедешь, – отбиваю девочке-ежевике, мысленно добавляя окончание "ко мне".

– Супер! Спасибо! Тогда до встречи!

Стася говорит быстро, скомкано, будто продукты швыряет в шуршащий пакет на кассе супермаркета. Ясно, что её внимание уже не со мной. И я даже не успеваю попрощаться,

как девчонка сворачивает звонок.

А мне остаётся лишь пялиться на цветной экран телефона.

"Happy Valentine's Day!" – алым сердцем мониторит мне календарь.

Да ну на!..

Вот тебе и тот самый день!..

День всех влюбленных... Жилось бы им долго и счастливо.

"Жилось бы НАМ долго и счастливо," – поправляю сам себя и улыбаюсь широко и доволью.

На то, чтобы услышать свою первую любовь вновь, мне понадобилось двенадцать лет и тридцать девять дней.

Четыре тысячи четыреста двадцать два дня.

Конечно, не Столетняя война между Англией и Францией и не Пунические войны с их несдвигаемым "Карфаген должен быть разрушен", но и у меня жизнь длиннее не становилась.

Двенадцать лет – это двенадцать лет, когда мой мир был сожжён до тла.

Мир – да, а вот любовь – нет.

Она оказалась основательнее всего.

– Извините, Вы выходите? – спрашивает женский голос у меня из-за спины.

– Теперь выхожу, – отвечаю я и двигаюсь в сторону Преображенской площади.